

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.1.023

УДК 316

А. С. Пученков, Л. К. Рябова*

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ: СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСТРОЙКИ**

В статье рассматривается феномен М. С. Горбачева как политического лидера перестройки. С опорой на документальные источники, воспоминания делается вывод о масштабности проведенных Горбачевым политических преобразований, рассказывается о его ошибках и просчетах, успехах и победах. Важное внимание уделяется личному фактору, акции ГКЧП, Ново-огаревскому процессу, Беловежским соглашениям. Приведено восприятие событий самим М. С. Горбачевым, основанное на его воспоминаниях. Указаны «подводные камни» и побудительные мотивы подписания нового Союзного договора и августовского путча. По мнению авторов, следствием путча стала фактическая гибель государства, демонтаж основной несущей конструкции Союза — КПСС, дискредитация КГБ, падение авторитета Советской армии. Отмечено, что роковым для судьбы Союза стал вопрос личных амбиций, а именно — противостояние М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина.

Ключевые слова: М. С. Горбачев, августовский путч, Союзный договор, 1991 год, распад Союза, Беловежские соглашения.

A. S. Puchenkov, L. K. Ryabova

MIKHAIL SERGEEVICH GORBACHEV: PAGES FROM HISTORY OF PERESTROIKA

The article examines the phenomenon of M. S. Gorbachev as the political leader of perestroika. Based on documentary sources, memoirs, a conclusion is made about the scale of the political transformations carried out by Gorbachev, talks about his mistakes

---

* Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия; a.puchenkov@spbu.ru

Рябова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия; l.ryabova@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

and miscalculations, successes and victories. Much attention is paid to the personal factor, actions of the State Emergency Committee, Novo-Ogarevsky process, Belovezh Accords. The perception of events by M. S. Gorbachev based on his memoirs. The «pitfalls» and incentives for the signing of the new Union Treaty and the August putsch are indicated. According to the authors, the consequence of the coup was the actual death of the state, the dismantling of the main supporting structure of the Union — the CPSU, the discrediting of the KGB, the fall of the authority of the Soviet army. It is noted that the fate of the Union was fatal to the question of personal ambitions, namely, the confrontation with M. S. Gorbachev and B. N. Yeltsin.

Keywords: M. S. Gorbachev, the August putsch, the Union Treaty, 1991, the collapse of the Union, Belovezh Accords.

Первые месяцы и даже годы перестройки были временем всеобщего оптимизма: после опостылевшей всем «пятилетки похорон» на смену прежним старцам пришел энергичный, яркий, неутомимый в работе, образованный и умный лидер, не боявшийся привлечь в свою «команду» ярких и образованных людей. Усталость общества от застоя в значительной степени предопределила готовность советских людей к тем радикальным переменам, которые предложил стране и миру Горбачев.

В 1985–1987 гг. Горбачев пользовался поистине всеобщим доверием, в известной степени страна была влюблена в нового генсека. Его энергия, креативность и работоспособность просто поражали воображение, Горбачев трудился, не жалея себя.

К несчастью, правление Горбачева сопровождали серьезные испытания, а нередко и ошибки государственной власти: тут и злосчастная антиалкогольная кампания, нанесящая серьезный урон бюджету страны, и Чернобыль, ставший зловещим предзнаменованием последующего распада Союза, и землетрясение в Армении. Безусловно, были и успехи, к их числу относилась и сфера международных отношений. Новый генсек был убежден, что в области внешней политики на первый план должны выйти отношения с США, уровень конфронтационной составляющей в них должен быть резко снижен [6, с. 72]. Саммиты Горбачев — Рейган в Женеве (1985) и Рейкьявике (1986), проходившие на фоне чрезвычайно сильного эмоционального накала [14, с. 17–29], все же подарили миру надежду на то, что две великие державы желают услышать и понять друг друга.

И действительно, в последующие годы США и Советский Союз смогли добиться совершенно определенного перелома в характере межгосударственных отношений, был достигнут серьезный прорыв в области политики разоружений.

Успешно развивалась и советская культура. Вряд ли можно не согласиться с мнением В. Г. Захарова, министра культуры СССР в 1986–1989 гг., по утверждению которого «от перестройки больше всего выиграла культура. Политика гласности помогла покончить с практикой запретов, некомпетентного вмешательства в творческий процесс. Это был огромный успех» [8, с. 144]. Запрещенные на родине многие годы книги Е. И. Замятина, Н. С. Гумилева, И. С. Шмелева обрели в те годы своего читателя. Наконец-то были опубликованы и давным-давно написанные и так и не увидевшие свет при жизни авторов книги «Новое назначение» А. А. Бека и «Жизнь и судьба» В. С. Гросс-

мана. Олицетворением гласности стала песня В. Цоя «Перемен!», исполненная рок-идолом перестройки в финале фильма С. А. Соловьева «Асса».

Иллюстрацией происходивших в СССР демократических процессов стала работа Съездов народных депутатов СССР, за которой следила без преувеличения вся страна, а деятельность парламентариев затрагивала самые основы советского государства, острейшие проблемы жизни нашего общества [13, с. 284–329]. Менее чем через год после начала работы Съездов народных депутатов, на Внеочередном Третьем Съезде, 15 марта 1990 г. страна обрела своего первого президента — избранного народными избранниками на безальтернативной основе Михаила Сергеевича Горбачева. Тогда, в 1990-м, вряд ли кто мог подумать, что деятельность Михаила Сергеевича на его новом посту продлится всего 661 день, а с его уходом в отставку прекратит свое существование и Советский Союз. Зловещей приметой перестройки стал абсолютно неожиданный для руководства страны взрыв «национальной бомбы» на окраинах Союза. М. С. Горбачев вспоминает:

Перестройке досталось тяжелое наследие в сфере национальной политики и федеральных отношений. И я не могу сказать, что я и мои коллеги, начинавшие перестройку, видели всю проблему в ее полном объеме... Надо признать, что мы поначалу недооценили масштабы и остроту проблемы. Но когда она возникла, мы не могли действовать прежними методами подавления и запретов. Мы считали, что надо идти по другому пути, искать продуманные и взвешенные подходы, действовать методами убеждения. Из этого мы исходили, когда в начале 1988 г. обострилась проблема Нагорного Карабаха. Корни конфликта — давние, простого решения он не имел тогда и не имеет сейчас... Но ни партийные структуры, ни интеллигенция двух республик не сумели найти путь к согласию или хотя бы к диалогу. И их оттеснили на задний план экстремисты. События нарастали как снежный ком [5, с. 18–19].

В известной степени последние два предложения можно отнести и к характеристикам процессов, происходивших и в других союзных республиках.

Страна трещала по швам, в этой ситуации советское руководство продолжало предпринимать все возможные в тех условиях *политические* меры для сохранения единого государства. «Прибалтийская модель» послужила образцом для подражания в других республиках СССР, она в той или иной мере воспроизводилась в них. Значение Литвы как застрельщика движения за выход из состава СССР сложно преувеличить: прибалты показали пример, как можно вернуть свою государственность. К концу 1990 г. центробежным тенденциям, как вспоминал консультант ЦК КПСС по национальным вопросам Э. А. Баграмов, уже не могли помешать «ни ученые речи», ни «бесконечно правильные постановления народных депутатов СССР» [1]. Было очевидно, что страна приблизилась к обрыву. Видя растущее размежевание республик с Центром, опасаясь повторения «литовского сценария», М. С. Горбачев заявил о необходимости подписания нового Союзного договора, в основу которого был положен принцип «сильный Союз — сильные республики».

Сама идея подписания нового Союзного договора и «торга» с республиками импонировала далеко не всем представителям команды Горбачева,

консерваторы настойчиво подталкивали президента СССР к возвращению в сталинскую матрицу, к идее силового сохранения *всех* республик в составе Союза. Ярким олицетворением «нового курса» Горбачева стали вильнюсские события января 1991 г., которые не только дискредитировали главу государства в глазах демократической и мировой общественности, но и вызвали шок у самого Михаила Сергеевича, расценившего кровопролитие 13 января как провокацию против него как президента [3, с. 202]. В свою очередь, среди доверенных лиц Горбачева до сих пор присутствует твердая убежденность в том, что президент СССР никаких приказаний относительно применения в Вильнюсе силового сценария не отдавал.

Трагедия 13 января потрясла и демократическую часть окружения Горбачева — А. С. Черняева, Е. М. Примакова, А. Н. Яковлева, по сути предупредивших президента СССР о том, что собираются прекратить работать с ним. Интеллигенция практически единодушно выступила против жесткой акции власти. Помощник Горбачева по экономическим вопросам академик Н. Я. Петраков был в числе представителей интеллигенции, подписавших заявление, осуждающее литовскую трагедию [10]. В тот же день в рабочем кабинете Петракова раздался звонок по «президентскому» телефону, звонить по которому мог только Горбачев. «Что же, Николай, записал своего Президента в преступники?» — начал разговор Михаил Сергеевич. Выслушав аргументы Н. Я. Петракова, Горбачев сказал: «Ты ничего не понимаешь. На мне лежит огромная ответственность, я должен вытащить страну из хаоса, я должен ее сохранить, ты ничего не знаешь и не понимаешь...» [11, с. 182]. Несомненно, что Горбачев был искренен в тот момент, высказывая в беседе с помощником свое политическое кредо *на тот момент времени*. Спустя пять лет после вильнюсских событий, накануне президентских выборов 1996 г., Горбачев заявил:

То, что меня подозревали в отходе от демократического выбора, — это была эмоциональная реакция... Я находился в тяжелой борьбе и схватке с антиреформаторскими силами в самом ближайшем окружении, в КПСС, по всей стране. Я нес огромный груз, выдерживал удары и не получал необходимой поддержки от демократов. Они одно считали правилом — подталкивать, торопить Горбачева, вместо того, чтобы понять реально, в каком обществе проводятся преобразования и какие препятствия стоят на пути. И, вообще говоря, не мог быть Президент, генсек КПСС самым левым в стране. Эти крайности — суть нашей политической культуры, ее специфика. Нам все время или красных или белых навязывают, а мой замысел состоял в том, чтобы люди стали гражданами и получили для этого правовую базу и чтобы не ретрограды и не лихие наездники вели нашу страну, чтобы не ломали ее по-ковбойски, через колено [7].

Желая сохранить за собой репутацию либерала, Горбачев принял самое неуклюжее, но, возможно, единственно возможное в той ситуации решение: откестился от всего произошедшего на улицах Вильнюса. В итоге либеральная часть команды Горбачева продолжила работать с президентом, но силовики затаили на него смертельную обиду. В известной степени, на взгляд автора этих строк, те дни оказались роковыми и для Союза, и для его президента. С одной стороны, отказавшись принять на себя ответственность за непопу-

лярные действия силовиков, советский лидер, по сути, размежевался с самой надежной своей опорой. В свою очередь, руководство армейских структур и госбезопасности, не будучи уверено в поддержке своих действий со стороны Президента и Верховного главнокомандующего, не было готово рисковать, защищая государство имеющимися и безучастности силовыми средствами. Результатом этого стала нерешительность и безучастность высшего генералитета армии и КГБ в декабре 1991 г. — «подставляться» после «Вильнюса» они более не желали. С другой стороны, республиканские элиты наяву увидели слабость как Центра, так и самого Горбачева — это способствовало дополнительному укреплению позиций сепаратистов.

Как следствие, Вильнюсские события привели к резкому падению популярности Горбачева. Демократические круги вообще стали представлять его чуть ли не олицетворением сталинщины. К концу зимы 1991 года Горбачев многим казался лидером, каждый шаг которого мистическим образом обречен на неудачу. Шанс избежать ухода в отставку Горбачеву подарили результаты первого в истории страны Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. Из пришедших на избирательные участки советских граждан 76,4% ответили «Да» на предложенный к ответу вопрос референдума: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности» [2, л. 6]. Как сам референдум, так и формулировка вопроса, предложенного на нем, имели немало недостатков, порождали определенную двусмысленность. В голосовании приняли участие жители 9 из 15 союзных республик. Не участвовали Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия. На их территориях пункты голосования были только в районах дислокации частей Советской армии. Своим согласием на проведение референдума в таком составе республик союзное руководство фактически признавало, что прежнего Союза больше нет и нужно стремиться к сохранению ядра страны.

Результаты референдума серьезно укрепили позиции Горбачева. Опираясь на волю народа, президент СССР мог и должен был требовать немедленного подписания Союзного договора, однако в этой ситуации ключевую роль играла позиция государствообразующей республики — РСФСР, лидер которой, Б. Н. Ельцин, ясно дал понять, что Россия не подпишет договор до момента проведения выборов своего первого президента, т. е. до июня 1991 г. Согласившись с этим требованием Ельцина, Горбачев допустил роковое промедление, ставшее, быть может, для него фатальным. Однако в то время многое представлялось по-другому. В частности, еще одним успехом Горбачева было подписание известного Заявления «9 + 1» 23 апреля 1991 г. Девять союзных республик и Центр в лице президента СССР М. С. Горбачева признавали подписание Союзного договора безотлагательной и первоочередной задачей. Заявление, названное «Не допустить углубления кризиса, ввести жизнь в нормальное русло», провозглашало, что «важнейшим условием выхода страны из кризиса является заключение нового Союзного договора с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума», а участники встречи признавали необходимым просить Верховные советы республик «завершить рассмотре-

ние проекта нового Союзного договора с тем, чтобы можно было уже в мае окончательно согласовать его на заседании Совета Федерации и подписать делегациями республик» [16, л. 75].

В известной степени это Заявление позволило избежать отставки Горбачева, которая могла последовать на Пленуме ЦК КПСС, оно укрепило позиции Михаила Сергеевича как генсека, увеличив количество его сторонников среди членов ЦК. Пленум происходил в атмосфере безудержной критики генсека, он был превращен в «судилище над Горбачевым». Ораторы, поднимавшиеся один за другим на трибуну, в своих выступлениях изображали Горбачева главным виновником острейшего кризиса, в котором находился и партия, и Союз в целом. Вспыливший Горбачев заявил о своей отставке, что повергло членов ЦК в настоящий шок — такой реакции генсека никто не ожидал. Второй человек в партии, заместитель Горбачева В. А. Ивашко объявил двухчасовой перерыв, за время которого сторонники Михаила Сергеевича успели собрать 72 подписи, уведомив президиум о своем выходе из состава ЦК в случае принятия отставки Горбачева. Стало понятно, что в партии назревает раскол, а Горбачев продолжает пользоваться большим политическим авторитетом. В перерыве экстренно было собрано заседание Политбюро, на котором никто из членов Политбюро не выступил с критикой Горбачева (сам Михаил Сергеевич на заседании не присутствовал). Председательствующий В. А. Ивашко предложил членам Политбюро считать, что никакого заявления Горбачева и не было. После уговоров генсек согласился «вернуться» на свой пост [16, л. 75]. Политбюро, в свою очередь, предложило на утверждение ЦК резолюцию, в которой заявлялось: «Исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачевым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС» [17, л. 1]. М. С. Горбачев пишет:

Сейчас я думаю, что мое согласие остаться на посту генсека было ошибкой. Партия, как показали дальнейшие события, оставалась консервативной силой, неспособной реформировать себя и участвовать в реформировании страны [5, с. 23].

Думается, что эти слова Михаила Сергеевича не вполне точны: весной 1991 г. все, и в первую очередь сам Горбачев, понимали, что вслед за отрешением Горбачева от партийной власти неминуемо бы последовало и лишение Горбачева поста президента СССР. И Горбачев, и значительная часть его сторонников отчетливо осознавали, что партия нуждается во все еще сохранявшемся общесоюзном политическом авторитете Горбачева, последний же нуждался в партии, все еще продолжавшей контролировать «командные высоты» в стране.

В свою очередь, июльский Пленум ЦК КПСС 1991 г. проходил, казалось бы, в более мирной атмосфере, естественно, по сравнению с апрельским Пленумом: не звучало яростных обличений генсека, была обсуждена новая Программа КПСС, позволявшая трансформировать партию в социал-демократическом духе. При этом было очевидно, что за прошедшие с предыдущего Пленума три месяца противники Горбачева не отказались от своих взглядов, а решающие политические баталии еще впереди [12, с. 464–465]. На июльском

Пленуме также стало очевидно, что у умеренных консерваторов появился свой лидер — выдвиженец Михаила Сергеевича и его личный друг Анатолий Иванович Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР, который вскоре фактически поддержал акцию ГКЧП.

Центральным моментом в политической жизни СССР в 1991 г. был многомесячный Ново-огаревский процесс: в подмосковной резиденции советского лидера проходили долгие, затяжные и чрезвычайно трудные переговоры между Горбачевым и руководителями национальных республик. В известной степени все участники переговоров не могли игнорировать результаты Всесоюзного референдума 17 марта, но в то же время оказывали давление на президента СССР, пытаясь выбить из него все новые и новые уступки. Центр, в лице Горбачева, отводил себе роль своеобразного арбитра в отношениях между республиками, представителя страны на мировой арене, за Центром сохранялось руководство внешней политикой, вооруженными силами, эмиссионное право.

При всей масштабности уступок, которые Центр делал в адрес республик, на переговорах настойчиво проводилась мысль о необходимости сохранении Союза как единого государства. Уже одно это позволяет говорить о том, что Ново-огаревский процесс мог привести Горбачева к политическому триумфу. В случае подписания Союзного договора в «горбачевской верстке» Михаил Сергеевич обрел бы репутацию спасителя единого государства, сумевшего изменить советское общество гласностью, раскрепостить людей, покончить с холодной войной, сохранить союзное государство как обновленную федерацию и при этом фактически сохранить компартию у власти. 23 июля текст Союзного договора был согласован.

2 августа 1991 г., накануне своего рокового отъезда в отпуск, Горбачев разослал «Президентам, Председателям Верховных советов Республик» «текст проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, завизированный руководителями полномочных делегаций республик 23 июля 1991 года в Ново-Огарево» [15, л. 16]. 20 августа планировалось открыть Договор для подписания «государственными полномочными делегациями» [15, л. 16]. М. С. Горбачев вспоминает:

Были решены вопросы, связанные с правами и полномочиями республик и Союзного центра, единой денежно-кредитной политикой, налогами. В июле же началась реализация антикризисной экономической программы. Тяжело она нам далась, но в конце концов удалось прийти к варианту, который поддержали республики, готовность выполнять ее положения выразили даже прибалты. Все, что «сошлось» в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий на пути, начатом в апреле 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования [5, с. 24].

При подготовке Союзного договора Горбачев работал как одержимый, его силы были на пределе, но ему казалось, что все будет в порядке, а кризис удастся преодолеть. Однако Союзный договор так и не был подписан. Спасти Советский Союз не удалось.

По большому счету, именно предстоящее заключение Союзного договора и спровоцировало путч. Содержание готовящегося к подписанию договора

было неизвестно стране; полноценного представления о нем не было ни в ЦК КПСС, ни в Верховном Совете СССР, ни в Кабинете министров СССР — Горбачев не считал нужным ставить их в известность об этом, замыкая всю работу по подготовке договора на себе. Горбачев везде и всюду подчеркивал, что ведет переговоры с лидерами республик как президент СССР, а не как генсек. Партийно-государственная элита и общесоюзные органы власти были предельно раздосадованы подобной позицией Горбачева, у них присутствовали опасения, что для них не найдется места в новых органах власти после подписания Союзного договора: его подписание предусматривало необходимость формирования новых органов власти. Отсутствие достоверной информации о Ново-огаревском процессе порождало всевозможные слухи, при этом было известно, что на переговорах «давят» именно республики, а не президент СССР, который понемногу сдает позиции Центра под их напором, но была надежда, что проект Договора будет «доведен до ума» в Верховном Совете СССР. Тот факт, что президент СССР решился на визирование проекта своей личной волей, не согласовывая его ни с кем, казался ошеломительным и едва ли не преступным. Горбачев же надеялся, что, договорившись обо всем с лидерами союзных республик, он заключит договор в обход и Съезда народных депутатов СССР, и Верховного Совета, и ЦК КПСС и поставит их всех перед свершившимся фактом. Оговорим еще раз: заключение Союзного договора было для Горбачева тождественно спасению единой страны, это было сверхзадачей момента, все остальное казалось ему несущественным. Любая дискуссия по поводу текста договора на уровне более низком, чем уровень руководителей республик и президента СССР, полагал Горбачев, приведет к срыву договорного процесса и торпедированию Союза. Любое промедление в подписании договора смертельно опасно — завтра лидеры республик могут передумать. Логика в рассуждениях Горбачева была, правда, президент СССР не считал нужным даже информировать о ней представителей партийно-государственной элиты, видимо, не особо доверяя ее представителям и не слишком высоко оценивая ее интеллектуальные и деловые качества.

Договорившись, как ему казалось, обо всем с лидерами республик, Горбачев считал возможным уехать на короткий срок в традиционный отпуск в Крым. Поездка эта оказалась для него роковой: сложно поверить, что заговор удалось бы организовать, если бы президент СССР находился в Москве, а не в отдалении от столицы, в Форосе, ведь в этом случае членам ГКЧП пришлось бы действовать против советского лидера предельно жестко — по примеру противостояния Пиночета с Сальвадором Альенде в Сантьяго. Три августовских дня показали, что на это они были не готовы. Итак, акция ГКЧП была возможна только в условиях отсутствия президента СССР в Москве, а отъезд Горбачева в Крым стал для его политической карьеры роковым [18]. Признает, что его уход в отпуск был крайне несвоевременен, и сам Горбачев [4, с. 249]. Можно предположить, что если бы договор был подписан, то власть на какое-то время сохранилась бы за Горбачевым; куда важнее другое: в том или ином виде сохранился бы Советский Союз, распастся ему было бы гораздо сложнее, чем это произошло в действительности. Анализируя зыбкую, может быть, даже в чем-то рыхлую природу того текста Союзного договора, который был готов

к подписанию накануне путча, игнорируют важнейшее соображение: статьи договора могли быть после его подписания наполнены в политическом смысле в ту или иную пользу; иначе говоря, в новом Союзе все зависело от того, в чьих руках продолжала находиться реальная власть. Накануне путча 1991 года власть продолжала находиться в руках Горбачева, застрельщики Беловежских соглашений — Л. М. Кравчук и Б. Н. Ельцин — все еще опасались вступать с ним в открытое противостояние, а ведь именно позиция Украины и РСФСР сыграла ключевую роль в распаде страны: судьба СССР зависела от того, сколь сильно в нем были заинтересованы эти две республики. Позиция остальных республик отталкивалась от позиции славянского ядра Союза, лидеры азиатских республик боялись распада единой страны, не будучи уверены в том, что смогут прокормить свой народ.

Путч обрушил все прежние договоренности, это была ужасающе беспомощная попытка избежать подписания нового Союзного договора и повернуть время вспять. Вряд ли можно говорить о путче как о заговоре, направленном против Горбачева лично: ГКЧП состояло из абсолютно разных людей, ряд из них, по всей видимости, воспринимали свое участие в его работе как попытку политически сохранить Михаила Сергеевича как лидера единого государства и считали, что «играют» на его стороне (Г. И. Янаев, О. Д. Бакланов, Д. Т. Язов), другие (например, В. С. Павлов, А. И. Тизяков, В. А. Стародубцев, может быть, Б. К. Пуго) достаточно критически относились к деятельности Горбачева на посту главы государства. Все они, однако, поддались убеждению Председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, что с Горбачевым все согласовано [9]. Акция ГКЧП не возникла из воздуха: вопрос о введении ЧП обсуждался на самом высоком уровне начиная с весны 1991 года, однако никто в союзном руководстве не мог и представить, что введение ЧП произойдет без санкции главы государства. Можно предположить, что некоторых из членов ГКЧП попросту провели, внушив им мысль, что они действуют в интересах Горбачева. Как бы то ни было, но именно деятельность ГКЧП похоронила надежду на сохранение обновленного Союза. Попытка государственного переворота опрокинула государство.

Из Фороса Горбачев вернулся в Москву политическим пленником Ельцина, отныне все важные назначения он должен был согласовывать с российским президентом. Это прекрасно понимали и лидеры республик, увидевшие возможность избавиться от докучливой опеки Горбачева и превратиться из удельных князей в великих. Политическая ситуация кардинально изменилась. Путч стал нокаутирующим ударом для судьбы Союза. Он фактически обнулил и уничтожил все договоренности, достигнутые Горбачевым с республиками. В свою очередь, Ельцин за три августовских дня вырос в фигуру, в политическом отношении более крупную, чем Горбачев, в глазах народа он был главным героем подавления путча, с ним, а вовсе не с Горбачевым, связывали свои надежды простые люди. Следствием путча стала фактическая гибель государства, демонтаж основной несущей конструкции Союза — КПСС, дискредитация КГБ, падение авторитета Советской армии. «Король» — Горбачев — оказался голым, его позиции были сильно дискредитированы, путч подстегнул дезинтеграцию, прежней заинтересованности в Центре, которая существовала до событий 19–21 августа 1991 г., в республиках уже не было.

В последующие месяцы М. С. Горбачев приложил поистине нечеловеческие усилия, пытаясь реанимировать Ново-огаревский процесс. В этом отношении ему удалось добиться серьезных успехов: в середине октября восемь республик подписали Договор об экономическом сообществе, начал действовать Межреспубликанский экономический комитет. Появилась серьезная перспектива трансформации СССР в *конфедеративное союзное государство* [5, с. 27]. В этой ситуации роковым для судьбы Союза стал вопрос личных амбиций: по словам Горбачева, Ельцин

и его окружение принесли Союз в жертву неудержимому стремлению воцариться в Кремле. Лидеры России, Украины и Белоруссии решили судьбу Союза неправым путем, вопреки воле народа, выраженной на референдуме 17 марта, за спиной президента СССР, руководствуясь прежде всего стремлением «убрать Горбачева» [5, с. 28].

Беловежские соглашения добились Советский Союз. Великая страна, вошедшая в историю под знаменем Победы над Рейхстагом и первой запустившая человека в космос, была принесена в жертву амбициям политиков. 25 декабря 1991 г. М. С. Горбачев объявил о своей отставке. Михаил Сергеевич оставил свой пост, желая избежать раскола страны и гражданской войны, что было бы неизбежно в случае, если бы он прибегнул к силовым акциям. Михаил Сергеевич вспоминает:

Мне до сих пор задают вопрос: вы уверены, что после Беловежского сговора сделали все возможное, использовали все полномочия президента для сохранения Союза? Мой ответ: да, я использовал все политические полномочия, все средства, кроме силовых. Пойти на применение силы, чтобы удержать власть — это уже был бы не Горбачев. И чем это могло бы кончиться? Расколом всего — армии, милиции, гражданским конфликтом, а возможно и гражданской войной. Этот путь для меня был закрыт [5, с. 28].

В день отставки президент СССР был очень подавлен и удручен, но в момент записи обращения к советскому народу сумел собраться. Обращение Горбачева, трансляция которого шла в прямом эфире по Центральному телевидению, было преисполнено чувством собственного достоинства и уважения к своему народу, которому предстояли не менее тяжелые испытания. Началась эпоха Новой России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баграмов Э. А. Как делалась национальная политика. Воспоминания консультанта ЦК КПСС // Независимая газета. — 1992. 24 января.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7522. Оп. 13. Д. 134. Протокол Центральной избирательной комиссии референдума СССР. Л. 6.
3. Горбачев М. С. В меняющемся мире. — М., 2018.
4. Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. — М., 2017.

5. Горбачев М. С. Понять перестройку. Финал «мира миров» // Россия в глобальной политике. — 2021. — № 6 (112). — С. 18–29.
6. Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. — М., 2006.
7. Горбачев М. Страну нельзя ломать по-ковбойски через колено // Общая газета. — 1996. 4–10 апреля.
8. Захаров В. Г. Культура и власть. Записки министра культуры СССР. — М., 2014.
9. Калашников В. Август 1991-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. — 2016. 21 октября.
10. Московские новости. — 1991. 20 января.
11. Петраков Н. Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. — М., 1998.
12. Пученков А. С. Августовский путч 1991 г.: Взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. — 2019. — Т. 9. — № 2. — С. 464–465.
13. Пученков А. С. Май 1989 — май 1990 гг.: год из жизни Союза // Демонтаж СССР: 1991 год / под ред. проф. В. В. Калашникова. — СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2021. — С. 284–329.
14. Пученков А. С. Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал? // Российская история. — 2020. — № 6. — С. 17–29.
15. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 84. Оп. 1. Д. 298. Л. 16.
16. РГАНИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 297. Л. 75.
17. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 012. Д. 026. Л. 1.
18. Черняев А. Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. — 1995. 11 апреля.